СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА

Фармонова Гулжахон Жахонгир кизи
магистрант 1 курса по направлению «Русский язык и литература»,
Азиатский международный университет, г. Бухара, Узбекистан

Аннотация. В статье рассматриваются словообразовательные ресурсы, которые А. П. Чехов использует для построения художественных образов. Анализу подвергаются суффиксы субъективной оценки, мотивированные антропонимы, окказиональные образования, сложные слова и субстантивированные прилагательные. Показано, что производное слово в чеховском тексте выполняет не столько номинативную, сколько характеризующую функцию: оно фиксирует социальный статус героя, его психологическое состояние и позицию повествователя. Делается вывод о том, что словообразование служит у Чехова одним из ключевых инструментов художественной экономии.

Ключевые слова: А. П. Чехов, словообразование, художественный образ, суффиксы субъективной оценки, говорящие фамилии, окказионализм, субстантивация.

Введение

Язык прозы А. П. Чехова уже более столетия привлекает внимание лингвистов и литературоведов. Кажущаяся простота его слога обманчива: за ней стоит тщательно продуманная система выразительных средств, в которой каждый языковой элемент несёт смысловую и оценочную нагрузку. Писатель не раз подчёркивал значимость сжатого и точного высказывания, а его афористичная формула «краткость — сестра таланта»[1] со временем приобрела значение своеобразного эстетического кредо.

При столь строгой экономии текстового пространства на первый план выходят средства, позволяющие сосредоточить в одном слове целый комплекс характеристик. Именно к таким средствам относятся словообразовательные возможности языка — аффиксация, словосложение, субстантивация, индивидуальное словотворчество. Ещё В. В. Виноградов обращал внимание на то, что в художественном тексте слово приобретает дополнительные смыслы, вырастающие из образной системы произведения.[2] Применительно к словообразованию это означает, что производная единица в литературном контексте перестаёт быть только названием предмета и становится способом характеристики персонажа, выражения авторской оценки, создания комического либо драматического эффекта.

Цель настоящей статьи — выявить и описать основные словообразовательные механизмы, посредством которых Чехов формирует художественные образы. Материалом исследования послужили рассказы писателя 1880–1890-х годов, а также его эпистолярное наследие. В работе применяются описательный метод, словообразовательный и контекстуальный анализ.

1. Суффиксы субъективной оценки как средство характеристики

Самым продуктивным словообразовательным ресурсом чеховской прозы являются суффиксы субъективной оценки — уменьшительно-ласкательные, уничижительные и

[1] Чехов А. П. Письмо Ал. П. Чехову, 11 апреля 1889 г. // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1976. Т. 3.

[2] См.: Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959.

© 2026 London International Monthly Conference on Multidisciplinary Research and Innovation. All Rights Reserved.

увеличительные. В отечественной грамматической традиции такие образования выделяются в особый тип производных: в них изменяется не предметное значение основы, а отношение говорящего к называемому.[3] Чехов последовательно опирается на это свойство, превращая оценочный суффикс в своеобразный индикатор социального положения и внутреннего мира персонажа.

Показателен в этом отношении рассказ «Хамелеон» (1884). Переменчивость полицейского надзирателя Очумелова проявляется не только в содержании его реплик, но и в выборе словоформ. Пока собака представляется ему бездомной, она удостаивается грубых и пренебрежительных наименований, а пострадавший Хрюкин, напротив, получает в его речи гиперболизированную оценку — «здоровила». Как только выясняется, что животное принадлежит брату генерала, высказывания героя наполняются ласкательными формами вроде «собачонка ничего себе… шустрая такая»[4]. Таким образом, смена суффикса фиксирует смену социальной ориентации героя, и сам механизм «хамелеонства» оказывается выраженным на морфемном уровне.

Сходный приём лежит в основе рассказа «Толстый и тонкий» (1883). В начале встречи бывшие одноклассники обмениваются фамильярными формами — «Миша», «Порфирий», «голубчик». Однако стоит тонкому узнать о высоком чине собеседника, как его речь резко перестраивается: обращение «ваше превосходительство» сочетается с подобострастной частицей -с («хи-хи-с»), восходящей к слову «сударь». Этот усечённый элемент, присоединяемый к словам самых разных частей речи, становится у Чехова ёмким знаком самоуничижения и чинопочитания.[5]

Особого внимания заслуживает рассказ «Душечка» (1899). Заглавное слово образовано от существительного «душа» с помощью суффикса -ечк- и выступает не как имя собственное, а как прозвище, которым героиню наделяют окружающие. Ласкательная форма точно передаёт сущность Оленьки: её личность растворяется в чужих интересах, и даже собственное именование она получает со стороны. Уменьшительный суффикс здесь одновременно выражает симпатию и указывает на отсутствие у героини самостоятельного внутреннего содержания,[6] что создаёт характерную для Чехова двойственность авторской интонации.

2. Мотивированные антропонимы («говорящие» фамилии)

Вторую важную группу составляют фамилии и прозвища, внутренняя форма которых прозрачна для читателя. Создавая такие антропонимы, Чехов соединяет нарицательную основу с типичными фамильными суффиксами -ов-, -ин-, -еев-, и благодаря этому имя персонажа заранее сообщает о его сущности. А. П. Чудаков, исследуя поэтику писателя, отмечал, что характеристика

[3] Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. Раздел «Словообразование».

[4] Чехов А. П. Хамелеон // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1975. Т. 3.

[5] Чехов А. П. Толстый и тонкий // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1975. Т. 2.

[6] Чехов А. П. Душечка // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1977. Т. 10.

© 2026 London International Monthly Conference on Multidisciplinary Research and Innovation. All Rights Reserved.

героя у Чехова часто дана через минимальные, но предельно значимые детали; мотивированная фамилия является одной из таких деталей.[7]

Так, фамилия Червяков в рассказе «Смерть чиновника» (1883) образована от слова «червяк» и уже на уровне словообразовательной структуры задаёт образ маленького, униженного, «ползающего» человека. В «Хамелеоне» фамилия Очумелов восходит к глаголу «очуметь» и намекает на бестолковость и растерянность героя, а фамилия Хрюкин, связанная с глаголом «хрюкать», окрашивает образ пострадавшего в комические, сниженные тона. В рассказе «Унтер Пришибеев» (1885) фамилия, мотивированная глаголом «пришибить»[8], вскрывает агрессивную, подавляющую натуру отставного унтер-офицера, привыкшего «наводить порядок» силой.

Своеобразной игрой на словообразовательной мотивации построен рассказ «Лошадиная фамилия» (1885). Комизм ситуации создаётся перебором вариантов, произведённых от «лошадиной» лексики: Кобылин, Жеребцов, Лошадкин, Коренной и другие. Искомая же фамилия — Овсов — связана с лошадью не прямо, а через ассоциацию с кормом. Тем самым словообразовательная модель сама становится сюжетообразующим элементом, а читатель вовлекается в своеобразную языковую загадку.[9]

Иным образом работает антропоним в рассказе «Ионыч» (1898). Здесь значимо не происхождение фамилии, а постепенное сокращение именования героя: от полного «Дмитрий Ионыч Старцев» к простонародному «Ионыч». Утрата имени и фамилии, сведение личности к одному лишь отчеству в разговорной форме служат знаком духовного оскудения доктора, превратившегося из живого человека в обывателя.[10]

3. Окказиональное словотворчество

Индивидуально-авторские образования занимают в творчестве Чехова сравнительно скромное место в художественной прозе, однако весьма заметны в его письмах и ранних юмористических текстах. В. В. Лопатин подчёркивал, что окказионализм создаётся по существующим в языке моделям, но нарушает их ограничения, и именно это делает его ярким и запоминающимся. Чеховское словотворчество отвечает этому принципу: оно не разрушает систему, а остроумно использует её скрытые возможности.[11]

Наглядный пример — псевдонимы молодого писателя. Наиболее известный из них, «Антоша Чехонте», соединяет уменьшительную форму имени с шутливо «иностранизированным» видоизменением фамилии; наряду с ним Чехов подписывался и такими игровыми именами, как «Человек без селезёнки» или «Брат моего брата». Каждый псевдоним представляет собой миниатюрный образ автора-юмориста, построенный средствами словообразования и словосочетания. В письмах встречаются и шутливые образования для обозначения душевных

[7] Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971.

[8] Чехов А. П. Унтер Пришибеев // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1976. Т. 4.

[9] Чехов А. П. Лошадиная фамилия // Там же. Т. 4.

[10] Чехов А. П. Ионыч // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1977. Т. 10.

[11] Лопатин В. В. Рождение слова: Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973.

© 2026 London International Monthly Conference on Multidisciplinary Research and Innovation. All Rights Reserved.

состояний, например «мерехлюндия», передающее унылое, хандрящее настроение с оттенком самоиронии.[12]

В рассказе «Каштанка» (1887) словообразовательные средства служат созданию образов животных. Кличка героини, образованная от слова «каштан» при помощи суффикса -анк-, связана с цветом её шерсти и звучит по-домашнему просто. Новый хозяин переименовывает собаку в «Тётку», а гуся и кота именует по имени и отчеству — Иван Иваныч, Фёдор Тимофеич. Подобный перенос антропонимических моделей на животных очеловечивает персонажей и создаёт тонкий юмористический фон повествования.[13]

4. Словосложение и субстантивация

Сложные слова, особенно книжного и канцелярского происхождения, Чехов нередко вводит в текст ради создания иронического контраста. Яркий пример — заглавие рассказа «Злоумышленник» (1885). Юридический термин, образованный сложением основ «зло» и «умысел», предполагает сознательное и опасное преступное намерение. Между тем «злоумышленником» оказывается простодушный мужик Денис Григорьев, отвинчивающий гайки с железнодорожного полотна для грузил и искренне не понимающий, в чём его вина. Несоответствие между тяжеловесной внутренней формой сложного слова и наивностью героя порождает горький комизм и обнажает пропасть между официальным правом и народным сознанием.[14]

Не менее выразительна субстантивация. В заглавии «Толстый и тонкий» прилагательные, перешедшие в разряд существительных, сводят персонажей к одному внешнему признаку. Этот приём заранее задаёт символическое противопоставление: физическая «толщина» и «тонкость» соотносятся с чином, достатком и мерой человеческого достоинства. Субстантивированное прилагательное, лишённое индивидуальности имени собственного, превращает героев в социальные типы и придаёт рассказу обобщающий характер.[15]

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что словообразование выступает у А. П. Чехова одним из ведущих средств создания художественного образа. Суффиксы субъективной оценки фиксируют динамику отношений между персонажами и колебания их социальной ориентации; мотивированные антропонимы заранее раскрывают сущность героя; окказиональные образования формируют игровой, иронический образ автора; сложные слова и субстантивированные прилагательные создают эффект контраста и типизации.

---

[12] Об игровом словотворчестве как речевой деятельности см.: Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.

[13] Чехов А. П. Каштанка // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1976. Т. 6.

[14] Чехов А. П. Злоумышленник // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1976. Т. 4.

[15] Об экспрессивных возможностях производных слов см.: Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. М.: Наука, 1977.

© 2026 London International Monthly Conference on Multidisciplinary Research and Innovation. All Rights Reserved.

Общим для всех рассмотренных случаев является принцип художественной экономии: производное слово концентрирует в себе характеристику, которую иной писатель развернул бы в пространное описание. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется сопоставление словообразовательных средств в ранних юмористических рассказах и в зрелой прозе Чехова, а также изучение роли словообразования в его драматургии.

Список литературы

1. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959.
2. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.
3. Лопатин В. В. Рождение слова: Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973.
4. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1.
5. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. М.: Наука, 1977.
6. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983.
7. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971.

© 2026 London International Monthly Conference on Multidisciplinary Research and Innovation. All Rights Reserved.